

В середине девятнадцатого века Америку охватило религиозное движение под названием спиритизм. Спириты верили, что живые способны общаться с мёртвыми.

Хотя в начале двадцатого века популярность спиритизма пошла на спад, она возродилась в конце Первой мировой войны и с наступлением пандемии испанки, когда многие стремились связаться со своими близкими любой ценой.

Хотя большинство медиумов оказалось мошенниками, неизвестно, были ли среди них те, кто говорил правду.

ПРОЛОГ

На севере штата Нью-Йорк, октябрь 1920 года

Лёгким мановением руки я воскрешаю мёртвых.

День за днём тружусь в полумраке, просматриваю стопки газетных фотографий, вырезаю лица и раскладываю их на столе. Мои пальцы работают быстро, машинально, каждое движение глубоко отпечаталось в памяти моих мышц. На доску, выкрашенную в чёрный цвет, я приклеиваю лицо и облако из ваты, похожее на клубящийся дым, — вот вам и призрак.

Вполне правдоподобный, чтобы одурачить людей.

Я поднимаю своё творение и пристально разглядываю его. Иногда мой младший брат Джон, стоя за моей спиной, цокает языком в знак одобрения, а иногда он подсказывает: «Голова у неё кривая» или «Ты неровно вырезала».

Он всегда прав.

Я продолжаю работу и, оглянувшись через плечо, при свете свечи вижу впалые глаза Джона — он похож на призрака даже больше, чем все мои творения вместе взятые.

Он заходится кашлем, таким сильным, что по всему телу пробегают судороги, и я растираю ему спину, чтобы помочь успокоиться.

— Дыши, Джон.

— Я в порядке. Не отвлекайся.

Мой фотоаппарат тонкий, как книга, когда он сложен; я отстёгиваю переднюю стенку, и сильфон тут же вытягивается, словно гармошка.

Я зажигаю фитиль в лампе и ставлю её поближе, освещая лицо, вырезанное из газеты, затем поворачиваю линзу объектива так, чтобы получилось размытое изображение.

Когда пропадает резкость, рождается волшебство.

Щёлк. Затвор открывается, впитывая тусклый свет в комнате, и первая экспозиция появляется на стеклянной фотопластинке, — её вполне достаточно, чтобы пробудить воображение.

Из зала доносится речь мистера Спенсера, отшлифованная до совершенства за сотни точно таких же выступлений:

— Приди, о дух! Сойди в наш бранный мир! Явись к нам на мгновенье.

Одними губами я повторяю за ним заученные реплики, безошибочно угадывая по ритму его слов, пил он сегодня или нет.

В нужный момент я открываю дверцу и передаю фотопластинку мистеру Спенсеру. Мои тёмные волосы и одежда сливаются с фоном. Будто меня нет.

Он вставляет фотопластинку в свою камеру и...

Щёлк.

В студии рождается вторая экспозиция, уже подсвеченная вспышкой.

— Обратите внимание, что фотоаппарат всегда находится на виду, — говорит мистер Спенсер женщине. — Некоторые сомневаются в моей честности, но мы-то с вами знаем правду. Поверьте, ваш супруг сейчас здесь. Наверняка вы чувствуете, как его дух тянется к вам. Следуйте за мной, мы проявим снимок вместе.

Он берёт десять долларов за фотографию, только по предварительной записи. Дороговато,

конечно, но мистер Спенсер говорит, что у него богатые клиенты, хотя мне они такими не кажутся.

— Не отходите от меня ни на шаг. Я хочу, чтобы вы увидели сами, — всё это чистая правда, — говорит мистер Спенсер.

Правда. Он произносит это слово снова и снова, будто повторение превратит ложь в истину. Кто знает, может, если рассказать себе одну и ту же историю много раз, то действительно поверишь в неё. Может, ложь, которую мы говорим себе, — самая убедительная на свете и заставляет игнорировать факты, указывающие на правду.

Проходит время, и из тёмной комнаты доносится радостный возглас — женщина видит, как на стекле появляется изображение и призрак восстаёт из могилы, будто её супруг никогда и не умирал.

Я улыбаюсь. Моя работа выше всяких похвал.

Дни проходят незаметно в этом городе — семнадцатом по счёту с тех пор, как мы стали жить с мистером Спенсером, — и мы с Джоном снова просматриваем газеты и делаем новые снимки, всегда в тёмной одежде, всегда прячемся в кладовках и задних комнатах. Мы дети-призраки, таящиеся в тени.

Режем, режем, режем.

Клеим, клеим, клеим.

Щёлкаем, щёлкаем, щёлкаем.

Когда темнеет, мы ложимся на узкий матрас в задней комнате. Я всегда сплю без сновидений, крепко прижимая к себе Джона, как мы делали ещё дома. *Одна душа на два тела*, говорили наши родители, пока болезнь не забрала их.

Я обнимаю его сильнее. Джон тяжело дышит, но мне кажется, ему лучше. Может, это ещё одна ложь, в которую мне хочется верить.

Иногда по ночам я размышляю о том, чем мы занимаемся, — плохо ли это? Но ведь я делаю это ради Джона, а остальное не имеет значения. Я скажу всё что угодно, лишь бы не разлучаться с ним.

Меня зовут Лиза Кэрролл. Мне двенадцать лет.

Моему брату Джону десять.

Не верьте ни единому моему слову.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТОНКОЕ
МЕСТО

БЕГЛЯНКА

Наш кэб подсакивает на грунтовой дороге. Вдоль неё растёт высокая трава, влажная от утренней росы. Холодно, и я вижу в окне, как из лошадиных ноздрей вырываются белые клубы пара. В кэбе пахнет перегаром. Мистер Спенсер снова уснул, хотя сейчас утро, солнце бьёт в окно, и изумрудные холмы сияют в его ярко-жёлтых лучах. Он много спит, и руки у него трясутся. Намного сильнее, чем в прошлом году.

Джон кашляет и опускает голову на моё плечо.

— Куда мы едем на этот раз? — спрашивает он.

— Не знаю.

— Разве он тебе ничё не сказал?

— *Ничего*, — поправляю я. Затем наклоняюсь к нему и шепчу: — Ты ведь знаешь, он мне никогда ничего не объясняет.

Джон улыбается. Он слишком маленький для своего возраста, и его глаза напоминают мне мамины.

— А где мы были до этого?

— В штате Нью-Йорк, — отвечаю я, хотя мы жили далеко от города с высокими зданиями, который я видела в книгах.

Он садится прямо и выглядывает из окна.